

A black and white photograph of a man and a woman in a romantic setting, likely a restaurant or bar. The man, on the left, is wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt. He is holding a glass of champagne and looking down at it. The woman, on the right, is wearing a light-colored, sleeveless top and is looking up at the man. They are both holding the same glass of champagne, creating a romantic moment. The background is blurred, showing other people and lights. The image is decorated with numerous small, glowing orange and white dots, giving it a festive or magical feel.

Бейби Лав

ВКУС ТВОЕЙ ЛЮБВИ

18+

Бейби Лав

Вкус твоей любви

«Автор»

2023

Лав Б.

Вкус твоей любви / Б. Лав — «Автор», 2023

«И теперь я как рыба, выброшенная на берег, глотаю ртом воздух, и прокручиваю в голове даты, события, встречи, чтобы понять, когда же мой муж начал любить мою лучшую подругу? До или после свадьбы? Как будто это изменит тот факт, что они вот прямо сейчас занимаются за стенкой страстным пылким сексом, который я видела в последний раз только в случайно увиденном в интернете ролике!— Ты просто идеальная женщина, — продолжает бормотать в запале страсти мой муж слова, которые когда-то жарко шептал и мне на ушко...» Можно ли снова найти любовь, уже однажды потеряв всё? Яна больше не верит мужчинам: она успешная самодостаточная девушка, уже однажды пережившая потерю. Но любовь всегда находит пути в наши сердца! Наш самый вкусный роман, наполненный ванилью, кардамоном, анисом и корицей! С апельсиновыми цукатами, засахаренной морозной вишней и шоколадными каплями. Приглашаем вас на этот раз в лучшие и самые вкусные рестораны. Но мы здесь будем не только есть, вы же это понимаете?

© Лав Б., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Обожжённый баскский чизкейк для обожжённого сердца	5
Горячий глинтвейн с вишневыми листьями, чтобы согреть ледяную душу	14
Солёные марокканские лимоны для вкуса к жизни	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Бейби Лав

Вкус твоей любви

Обожжённый баскский чизкейк для обожжённого сердца

Я открываю дверь своим ключом и сбрасываю все тяжёлые пакеты прямо на пол в прихожей. Знакомые ароматы когда-то бывшего моим дома укутывают, дразнят и зовут за собой на кухню, где всё ещё висят развешенные мною над плитой сухие букетики лаванды, веники лавра и пучки тимьяна с душицей. Я смотрю сквозь давно не мытое окно на двор обычного спального района в Москве, и мне даже становится немного жаль тех счастливых студенческих лет, что я прожила здесь вместе с Томой. И хотя сейчас я могу позволить себе более престижный район и более дорогую квартиру, я всё равно иногда скучаю по нашим кухонным посиделкам за полночь, которые случаются только в кущах жасминовой юности.

Тома должна быть сейчас на работе, и я вернулась в свою старую съёмную квартиру, чтобы забрать пару вещей из шкафа, которые я так и оставила здесь после переезда. Я прохожу в свою комнату и достаю свои любимые платья, для которых у меня наконец-то появился сегодня повод. Я знаю наощупь карту своей старой комнаты, поэтому мне даже не приходится включать свет или открывать шторы, чтобы найти в шкафу то, что мне нужно. Я провожу рукой по гладкому шёлку с японскими узорами, и мои пальцы перебирают нежную кисточку на пояске, как до моего уха доносится слабый шум. Я прислушиваюсь: похоже, в спальне Тамары открыто окно, в которое врываются дворовые звуки.

Я направляюсь через длинный вытянутый кишкой коридор к её комнате, но седьмое чувство подсказывает мне, что я не одна в квартире. Я ступаю по потёртым деревянным полам, в которых я знаю каждую трещинку, и приближаюсь к неплотно закрытой двери, разрезающей тёмный квадрат коридора вертикальной белёсой полоской. Оттуда определённо доносятся голоса, и я выдыхаю: значит, моя подруга дома. И явно не одна, судя по низкому мужскому смеху. Я уже собираюсь так же неслышно деликатно удалиться, чтобы не мешать влюблённой парочке, но что-то меня удерживает: то ли это пресловутое седьмое чувство, то ли ноты смутного узнавания, то ли банальное любопытство.

Я стараюсь на цыпочках, практически не дыша, приблизиться к манящему меня узкому разрезу, отсекающему дверь от косяка, и в полумраке зашторенной комнаты вижу на кровати два силуэта. Тома громко стонет, и я удивляюсь, как не расслышала её крики раньше, хотя, возможно, играющая в колонке музыка перекрывает все эти любовные всхлипы. В треугольнике света, падающего от стыдливо прикрытых штор, я вижу, что она стоит на четвереньках, изогнув по-кошачьи спину, и с завистью отмечаю, что даже сейчас она выглядит как дорогая порноактриса на кастинге. Идеальная круглая попа оттопыривается двумя аппетитными булочками, которые сжимает и мнёт в своих крепких ладонях её партнёр, пока вдальбливает в неё свой крепкий поршеньёк. Томины грудки упругими апельсинчиками бьются под его напором, пока её леденцовые ягодицы сплюсциваются и снова наливаются об его железный подтянутый пресс. Я замороженно гляжу на эту картину, не в силах отвести глаза, и не удивлюсь, если в комнате напротив стоит большое зеркало, в которое эта парочка успевает любоваться на отражение своей идеальной сексуальной позы.

Лицо мужчины скрыто тенью, но я уже успела оценить его великолепную натренированную фигуру. Прямо как у моего Лёши. Хотя нет, мой Лёша всё равно в сто раз лучше, с гордостью отмечаю я про себя. И он достался именно мне, Яне Гофман, а не какой-нибудь секс-

бомбе Тамаре Лурдиной. Хотя я хорошая девочка, и должна только порадоваться сейчас за свою лучшую подругу, которая в этот момент ещё сильнее изгибает свою стройную спину, пока её не менее сексуальный партнёр, намотав её роскошные длинные волосы на кулак, заводит своего вздыбленного жеребца в её стойло. Мне стыдно, что я подсматриваю за чужой любовной игрой, но эти двое так красиво смотрятся, что я невольно люблюсь плавными движениями их блестящих от пота тел, в едином ритме древнейшего на свете танца расходящихся и смыкающихся снова.

Я задумываюсь: а выгляжу ли я так красиво со стороны, когда примерно раз в неделю залезаю под одеяло к возвращающемуся с важных деловых встреч Лёше? Хотя, надо признаться, в последнее время это происходит как-то всё реже и реже. Встречи у него всё чаще, а работы у меня всё больше. Пожалуй, это случается раз в три недели. Ну хорошо, наверное раз в месяц, – соглашаюсь я сама с собой. Ладно, если честно, я не помню, когда это было в последний раз. Возможно, месяц назад. Но сегодня я определённо планирую исправить эту ужасную несправедливость.

Тут горячий красавчик наклоняется, захватив одной ладонью идеальную круглую грудь, сжимая её, как мягкий пышный бриошь, с аккуратной вишенкой соска на вершине, и целует Тому в полуоткрытые губы.

– Обожаю тебя, масик, – хрипит он в запале страсти, ещё сильнее взнуздывая мою подругу, и я буквально чувствую, как моё сердце мгновенно черствеет, как выброшенная на асфальт хлебная корка.

– Ты лучший, Лёша, – отвечает ему Тома, и я зажимаю рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

Это и есть мой Лёша. Красивый, сексуальный, бесподобный. Единственный. Как матадор на корриде. Как гангстер на ограблении. Как Джонни Депп в юности.

И сейчас они, сплетая свои тела, бьются в экстазе, пока одна его рука тискает нежную податливую грудь, а вторая ласкает её идеально депилированную киску. Мой мозг всё ещё пытается найти какие-то несостыковки в этой картинке, какие-то нелогичности, но безрезультатно: вот его идеальные чёрные волосы, в которые я так люблю зарываться пальцами; вот его татуировка *Forever Young* на предплечье: как я вообще сразу не заметила её? Вот его идеальный итальянский профиль с горбинкой на носу и чувственными, изогнутыми излучиной лука губами. Которыми он теперь целует Томину шею, мочку уха и спускается ниже, по спине.

– Это было бесподобно, – с довольным мурлыканьем сытой кошки растягивается она на спине, а Лёша ложится рядом, опираясь на локоть, и продолжая ласкать её своим пальцем, вырисовывая на её атласном теле круги, дорожки, восьмёрки.

Что мне делать?! Ворваться в комнату? Но сама мысль об этом кажется мне невыносимой. Словно я цепляюсь за призрачную надежду, что это всё неправда. Что всё образуется. Что всё это просто дурной незрелый сон после тяжёлого ужина. Что если пока я не заявила о том, что я всё знаю, всё ещё можно отмотать назад. Притвориться, что я этого никогда не видела. Не была в этом пахнущем лавандой и травами коридорчике. И ещё пахнущем изменой. С ароматом засахаренных в банке цукатов с анисом и кардамоном. Как мой Лёша, когда я прижимаюсь к его груди. Решено, я сейчас быстро заберу свои пакеты и исчезну из этой квартиры. Сотру свою память.

– Ты решил, когда всё расскажешь Яне? – вдруг спрашивает своего любовника Тома.

– Уже совсем скоро, – целует её нежно в мягкое углубление в животе мой муж. – Надо разобраться со всеми формальностями, чтобы не потерять квартиру, – невнятно бормочет он, спускаясь всё ниже к её венеринному холму, облизывая и целую каждый сантиметр её идеально гладкой кожи.

– Неужели ты её выставишь на улицу? – с фальшивым ужасом хохочет Тома, а я стою, онемев от страшной догадки.

– Конечно нет, – запускает свои пальцы между двух идеальных ножек Лёша. – Яна взрослая девочка, и отлично знала, на что идёт. В конце концов, она может снова вернуться сюда, где и начинала, – замороженно любит он тем, как его пальцы проскальзывают внутрь её лона, и Тамара сладострастно всхлипывает. – Никто же не вышвыривает бедняжку на улицу. Пусть живёт здесь, – вытягивает он свои блестящие от смазки пальцы наружу.

– Я уверена, ты поступишь правильно, – вздыхает Тома, выгибая спину, а Лёша проводит мокрыми пальцами по её пухлым, как у Анджелины Джоли, губам, и она заглатывает их, обсасывая как сахарные леденцы.

– В конце концов, она сама виновата, – с придыханием бормочет мой муж, и я вижу, как его член снова наливается гранатовым соком. Я даже не помню, когда мы с ним занимались любовью больше одного раза за вечер. Очень, очень давно. – Женщина всегда должна следить за собой, – продолжает он, беря в руку свой гладкий ствол и поглаживая пунцовой головкой гладкий лобок.

– Тем более с таким мужчиной, – стонет в ответ на его ласки Тома, и я задыхаюсь за дверью от гнева, заливающего меня горячей карамелью. Но всё равно невидимые руки крепко сжимают моё горло и подбородок, словно заставляя не отрываясь смотреть это кошмарное видео.

– Мне кажется, её больше ничего не интересует кроме её бесконечных проектов и рецептов в свободное от работы время, – грустно заявляет мой муж этой сучке, как будто это не они сами же с удовольствием уплетают за четыре щеки все мои кулинарные шедевры!

– Это точно, – мурлычет в ответ Тома, извиваясь всем своим идеальным телом, которое никогда не прибавляет ни грамма жира, сколько бы моих бриошей, салатов и булочек она не сожрала! Нахальная жадная кошка! Она могла бы заполучить любого мужчину в этом городе, но из десяти миллионов она выбрала именно его! Как она могла. Слёзы обиды уже подступают к горлу и щечкуют нос, как мой идеальный красивый муж шепчет:

– Я сразу полюбил тебя, как только увидел, масик, – и входит в неё с приглушённым всхлипом.

А я, прижатая к стенке всей тяжестью мира, пытаюсь вспомнить, когда же они познакомились? До нашей свадьбы? Или уже после? Да, Алексей на самом деле прав: я всегда слишком много работаю. Потому что мне надо гасить безумные платежи по ипотеке, и я не могу сделать передышку ни на один день. Он тоже, конечно, помогает, но моя зарплата всегда была выше, и поэтому мы решили, что будем гасить ипотеку так быстро, как только сможем, чтобы избавиться от этого огромного бремени долга.

И теперь я как рыба, выброшенная на берег, глотаю ртом воздух, и прокручиваю в голове даты, события, встречи, чтобы понять, когда же мой муж начал любить мою лучшую подругу? Как будто это знание изменит тот факт, что они вот прямо сейчас занимаются за стеной страстным пылким сексом, который я видела в последний раз только в случайно увиденном в интернете ролике!

– Ты просто идеальная женщина, – продолжает бормотать в запале страсти мой муж слова, которые когда-то жарко шептал и мне на ушко, проваливаясь в меня на нашей супружеской кровати!

– А ты – идеальный мужчина, – поддакивает ему Тома, и мне кажется, что сейчас они ещё больше распаляются, любуясь своей идеальностью и красотой в зеркале на потолке. – Я вообще не понимаю, как можно потерять тебя, – всхлипывает в приступе влажной страсти эта стерва, как будто это не она сейчас трахает чужого мужа!

Мне хочется ворваться в комнату и вырвать все её идеальные пряди, по волоску, но я вспоминаю, что мне на самом деле нельзя разводиться. Ни при каких обстоятельствах. Иначе я потеряю всё, над чем так долго и беспросветно работала. Как бы я сейчас не хотела громко хлопнуть дверью, разбить стекло, войти к ним в комнату с хладнокровным видом, скрестив

руки на груди, я понимаю, что просто не могу себе этого позволить. Мне надо продержаться ещё какое-то время.

Я так же, на цыпочках, как и пришла, удаляюсь от двери, в которой я сейчас только что со стороны увидела, как беспросветно выглядит вся моя жизнь. Собираю бесшумно, стараясь не шелестеть, все мои пакеты, и тихонько затворяю за собой входную дверь, пытаюсь не звенеть ключами. Хотя, наверняка, мой муж с моей когда-то лучшей подругой ловят сейчас свой миллионный оргазм и вряд ли меня услышат.

Так, мне надо всё хладнокровно обдумать. Я покачиваюсь в вагоне метро, нагруженная сумками, и пытаюсь одним свободным пальцем написать сообщение знакомому юристу. Слишком многое стоит на кону. Телефон, конечно же, выскальзывает из моих дрожащих пальцев, экран растекается паутиной трещин, а мои пакеты падают на грязный затоптанный пол. Дорогуший козий сыр, за которым я специально ездила в испанскую лавку, белым колёсиком катится под сидение, и плюхается в растёкшуюся мутную лужицу. Двери открываются, люди торопятся к выходу, и кто-то наступает на моё белоснежное облачко, расплющивая и размазывая сливочно-райское содержимое по коричневому линолеуму. Я ползаю под ногами у толпы, пытаюсь поднять свой навеки разбитый телефон, и слышу чей-то раздражённый грубый окрик: – Задолбали, на хрен, со своей запрещённой...

Так и не сумев толком прочитать на разбитом вдребезги телефоне ответ юриста, я волоку свои пакеты от метро до дома, пытаюсь сообразить, как же мне теперь поступить. Лёша всегда говорил, что не женится на мне, пока у него не будет дома, куда он сможет меня привести, и мне это казалось тогда таким романтичным. Таким надёжным. Таким настоящим мужским поведением. И поэтому, когда он взял ипотеку для того, чтобы сделать мне предложение, это стало для меня самым главным доказательством его любви и надёжности. Он ведь хотел построить со мной дом. Где мы будем жить вместе, а когда-нибудь и растить детей. И я предложила выбрать квартиру получше и подороже, выставив на продажу дом своей бабушки в Суздале – единственное, что у меня оставалось своего от моей семьи.

На сегодня мой муж мне назначил свидание: мы уже миллион лет с ним не были нигде вдвоём, и я решила приготовить романтический ужин при свечах, и даже съездила за своим вечерним платьем на старую квартиру. Удачно так съездила, – грустно усмехаюсь я про себя. Надеялась на бурный супружеский секс и признания в любви. А Лёша, по всей видимости, собирался мне поведать о чём-то важном. Явно, не о пылкой любви ко мне.

Захожу в свою светлую свежую квартиру, где всегда пахнет выпечкой и корицей, и отношу свои успевшие осиротеть пакеты на кухню, бережно выкладывая уцелевшие шайбочки сыра, розмарин и свежий тархун, пахнувший весной и лугом. Что бы у меня не творилось на работе и в жизни, мои ящики и полки пахнут деревом, воском и топлёным маслом. На крючках висят любимые сковородки и сотейники, на которые я трачу больше денег, чем нормальная женщина на косметику и шмотки. Моя кухня – сердце дома. Хотя, наверное, надо было больше уделять времени спальне, – со злостью думаю я про себя, вспоминая идеальный секс двух самых близких мне людей, который я только что наблюдала, как в кино.

С Томой мы прошли вместе все студенческие годы: эту вечную неприютность, бедность и отчаянное веселье юности, когда у нас оставалось на месяц денег только на картошку и эти обязательные институтские макароны, и я упражнялась в искусстве высокой кулинарии, готовя изысканные ужины из одной луковицы на шумные студенческие компании. Мы с ней вместе сдавали экзамены и зачёты, ходили на свидания и искали подработку, и я, в конце концов, устроилась в компанию, где и проработала последние пять лет, выстроив за это время головокружительную карьеру от простого помощника менеджера до руководителя пиар-отдела. Почти руководителя.

Если честно, я не совсем понимаю, что, как выяснилось, не нравится в моём чрезмерном увлечении работой моему мужу, потому что это именно то, что помогает нам сбрасывать с себя с каждым месяцем всё большее и большее бремя долга. Это благодаря именно моей работе у нас осталось всего лишь несколько сотен тысяч рублей кредита, что по московским меркам просто копейки, и этот дом наконец-то станет по-настоящему нашим.

Мои руки сами достают из корзины круглые гладкие луковички, и чистят их от шелухи, пока мой мозг судорожно пытается найти выход. Выход из чего? Всё кончено. Я нарезаю лук для ризотто, и едкие луковые слёзы текут по моим щекам, капают в кастрюльку, где я растапливаю кубик сливочного масла в оливковом, и падают на веточку тимьяна, который медленно отдаёт всю свою душу и аромат белому жемчужному рису, который я помешиваю ложкой, пока он не становится прозрачным и глянцевым, как и мои слёзы... Стряпня понемногу успокаивает, возвращает меня в состояние равновесия, пока я размышляю над тем, что же меня ждёт дальше. Развод. Раздел квартиры, которую я даже не успела до конца обустроить. Одиночество.

Я подхожу к зеркалу в коридоре и внимательно рассматриваю своё покрасневшее и опухшее лицо. Ужасно. За этими расплывшимися красными веками не видно глаз, а нос покраснел и превратился в бесформенную картофелину. Даже я понимаю, что мой вид может вызвать у Лёши только отвращение, но никак не жалость. Особенно после секс-упражнений с идеальной ухоженной Томой. И когда она только находит время и деньги на все эти бесконечные spa-процедуры и косметологов? Правда, у неё нет долгов и кредитов. И мужа, который может ей изменить с лучшей подругой. Так, я точно должна выглядеть не хуже, чем она, и я решительно направляюсь в ванную, чтобы принять душ и приложить к лицу влажное холодное полотенце.

Я лежу на диване, пока по квартире разносятся сливочные ароматы ризотто с белыми грибами, прикладывая к щекам пакет с замороженным горошком, когда мне звонит мой юрист:

– На самом деле твоей подруге не позавидуешь, – деловито сообщает он. Я предусмотрительно не стала ему объяснять, что всё это касается лично меня. – У меня только один совет: пусть она ни при каких обстоятельствах не разводится, и тянет до того момента, пока ипотека не будет полностью выплачена банку. Иначе ей не позавидуешь.

Я отключаю телефон, раздумывая, на сколько во всей этой ситуации разбирается мой Лёша: он что-то там бормотал Томе про дела, которые ему мешают расстаться со мной сию же минуту. Прекрасно. Или это очередные отговорки очередного блудливого мужа? Я решительно поднимаюсь с кровати и достаю из пакета своё старое шёлковое платье с запахом. Я помню, как Лёша раньше желал меня, стоило мне его только надеть. Белые лотосы и бирюзовые цапли: самое дорогое, что я себе когда-либо покупала из одежды.

Я закрываю глаза, и вспоминаю наш первый раз. Конечно же, это был Darren Hayes с его *Insatiable*. На ночном радио зазвучали первые аккорды, и Лёша тогда спросил:

– Ты знаешь, что означает название этой песни? – и я лишь покачала головой в ответ.

– Ненасытность, – просто ответил он. И его рука незаметно скользнула под тонкий расписной шёлк и накрыла мою грудь, пока палец нежно обводил ареолу соска по кругу, который затвердел и проступил на шёлковой лилии острым наконечником стрелы. Он наклонился и нежно поцеловал мой сосок прямо через ткань, осторожно захватывая его одними губами, и я даже сейчас чувствую, как его густые волосы тогда пахли засахаренными цукатами с анисом и кардамоном.

И наша любовь была по-настоящему ненасытной. Мы занимались любовью везде, где только нас заставляло желание: сидя с коллегами в кафе на бизнес-ланче, я чувствовала, как его рука незаметно пробирается под мою строгую офисную юбку и скользит всё дальше и выше, где я уже начинала таять ванильным мороженым в ожидании. Лёша с невозмутимым видом продолжал обсуждать очередную статью для заказчика, пока его нежные пальцы отодвигали край моих трусиков, и осторожно ныряли внутрь. Ещё минута, и я, вежливо извинившись, удалялась в уборную, куда через секунду за мной врывался Алексей, и судорожно задирая мою

юбку, входил в меня сзади, расплющивая меня о прохладный кафель кабинки. Нам хватало нескольких мгновений, чтобы удовлетворить вечно терзавший нас голод, чтобы уже всего через час снова встретиться в какой-нибудь дальней серверной, чтобы целовать, облизывать, кусать и пожирать друг друга.

Мне кажется, в те дни мы практически ничего не ели. Мы не могли насытиться друг другом. Случайные подъезды, тёмные проходы между домами и подворотни: всё было наполнено нашим шёпотом и желанием. Я только расстёгивала его штаны, как в моё лицо мягко упирался Лёшин вечно стоящий член, который я засасывала, словно пытаюсь полностью проглотить, чувствуя на нёбе солоноватый вкус морских устриц. Я стояла у обшарпанных стен в самых тёмных закоулках, запрокинув одну ногу на плечо своему любимому, и он выпивал меня до последней капли, пока всё моё тело не начинало сладко пульсировать, и Лёша тогда входил в меня до самого моего винного горлышка, разрываясь внутри горячим семенем. Мы шли домой, счастливые и насытившиеся всего лишь на короткое время, чтобы в спальне снова продолжить свой вечно голодный секс. Тогда я была уверена, что так будет всегда. Я даже сейчас не могу до конца поверить, что он шепчет кому-то точно такие же слова любви, срывает с кого-то одежду по дороге в спальню, не в силах дойти до кровати, и вонзается в кого-то прямо на полу, в надежде утолить эту неутраченную жажду.

И всё в то время пахло цветущим жасмином: стены, чай, постель и проходящие мимо люди. А впрочем, может быть, мне это всё только приснилось. И мне становится ужасно тоскливо от того, что я, скорее всего, больше никогда не встречу никого с таким запахом леденцов и счастья. Я отчётливо и бесповоротно понимаю, что любовь не заканчивается просто так, одним фактом измены. Моё сердце бьётся пока по инерции, пока не начнёт захлёбываться в вишнёвой крови, уже начинающей сочиться из смертельной рваной раны.

Я сбрасываю на пол футболку и штанишки, скептически оглядываю свою фигуру, невольно сравнивая её с Томиной. Наверное, у меня сейчас не такие стройные бёдра, как пару лет назад, и не такой плоский пресс, но по-прежнему роскошные каштановые волосы и густые брови и ресницы. Прямой арийский нос и чёткие скулы, в общем – Лени Рифеншталь в юности. Мои немецкие корни. Я надеваю платье, которое еле сходится у меня на талии. Чёрт! Я так давно не носила ничего нового, кроме своего унылого корпоративного костюма, что не заметила, как набрала пару лишних кило. Похоже, совсем даже не пару, с ужасом понимаю я, осмотрев себя со всех сторон перед зеркалом. Не уверена, что в таком виде я смогу удержать своего Лёшу, который только что оттрахал идеальную красотку с модельной внешностью. И это платье, как уже старое и ненужное воспоминание, не способное вернуть мне любовь моего мужа, летит в дальний угол дивана.

Я сижу за накрытым столом в просторной блузке и джинсах: по крайней мере, в них я пока смогла влезть. В холодильнике остывает мой обожжённый баскский чизкейк, который я приготовила специально для сегодняшнего ужина. Глаза подведены чёрным карандашом, а губы я решила накрасить коралловой помадой: в конце концов, я ведь ещё совсем молодая девчонка! Я спокойна и уверена в себе: не смотря ни на что, я способна сама о себе позаботиться. Что бы ни случилось. Я нервно отпиваю из бокала *Совиньон-блан*, и мне становится легче и прохладнее на душе: именно его надо пить с моим восхитительно шёлковым ризотто! Грибной лесной дух и запах кошачьей метки в вине – просто идеальное сочетание для романтического ужина.

Дверь открывается, и мой муж возвращается ко мне.

– Как вкусно пахнет, масик, – слышу я его низкий голос, который так возбуждающе действует на меня. Даже сейчас. Особенно сейчас. И, видимо, и на остальных женщин тоже.

Лёша проходит в комнату, снимая пиджак, и садится за стол напротив меня. Я встаю и медленно выбираю тарелки для ризотто: большие белые из тонкостенного фарфора, с круглым небольшим углублением по центру. Капаю на каждую порцию по несколько капель драгоценного трюфельного масла, рисуя на шелковой сливочной вуали бусинки золотого ожерелья, и слышу напряжённый голос за спиной:

– Нам надо серьёзно поговорить, Яна, – и я сглатываю комок, подступающий к горлу. Началось.

Молча ставлю тарелку перед ним, и с непроницаемым лицом сажусь на свой стул, пока Лёша разливает нам вино по бокалам.

– Очень вкусно, – пробует он, и хотя бы сейчас я уверена, что он не врёт. И сразу, не делая никаких пауз, словно обсуждая погоду, продолжает: – Я ухожу от тебя.

Я делаю большой глоток, ставлю бокал аккуратно на стол и совершенно спокойно отвечаю:

– Хорошо, – и зачёрпываю вилок несколько рисинок: пармезановый дух растекается по нёбу, и я даже прикрываю глаза от удовольствия, представляя, что я сейчас на Лазурном берегу в ресторане *Chantecler* с двумя мишленовскими звёздами: только я и тарелка оргазма передо мной.

– Что значит: хорошо? – в недоумении отвечает Лёша, и я слышу сквозь свои грёзы тихий стук ножки бокала о столешницу. И открываю глаза.

– Уходи, – как ни в чём ни бывало отпиваю я своё вино. Всё-таки протухшую рыбу уже ничем не спасти. Она воняет. – А что ты хочешь от меня услышать? – спокойно продолжаю я, хотя внутри меня медленно и мучительно умирает моя голодная любовь. – Можешь собирать вещи и уходить, куда только пожелаешь, – продолжаю я свой ужин. Всё-таки трюфели и рис арборио созданы друг для друга!

– И это всё, что ты хочешь мне сказать? – начинает беситься мой неверный муж. Видимо, он ожидал совершенно другой реакции. Ах, эти вечные ожидания, которые не совпадают с желаниями окружающих!

– Да, это всё, – отрезаю я. – А что ещё я должна говорить? – насмешливо спрашиваю я, отпивая кисловато-минеральное вино.

– Ну хотя бы поинтересоваться причиной, – невнятно бормочет Алексей, и я насмешливо перебиваю его:

– Позволь мне предположить: ты наверняка встретил другую женщину, так? И полюбил? Так сильно и страстно, как когда-то любил меня? Или никогда не любил? – тихо добавляю я, сама уже боясь в это поверить.

– Нет, дело не в другой женщине, – холодно отвечает мне мой муж. – Дело в тебе.

И его слова пылают на моей щеке огненной пощёчиной. Мне стоит огромного труда посмотреть ему в глаза, а он с издёвкой продолжает:

– Мы с тобой женаты всего три года, но ты уже превратилась в домашнюю... – я вижу, как он мучительно подбирает правильные слова, и всё-таки выдавливая из себя: – насадку.

И видимо, чтобы придать себе ещё больше сил для дальнейших обвинений, продолжает:

– Ты думаешь, я себе такой представлял семейную жизнь? Где та стильная дерзкая девчонка, которая просто свела меня с ума? Где наши ночи? Что с нами стало? – он отпивает вино, и я только отмечаю про себя, как безвозвратно остыло моё очередное бесподобное блюдо. С драгоценным пьемонтским трюфелем, за который я отдала целое состояние.

– Мы погрязли в рутине, – продолжает сокрушаться Лёша, как будто это самое страшное, что может постигнуть семейную пару. – Когда мы вообще в последний раз вместе с тобой куда-то ходили?!

– Так это ты постоянно занят с клиентами и на встречах, – резонно возражаю я, и смотрю, как медленно оплывают свечи, которые я специально зажгла к приходу мужа.

– Да, а ты постоянно торчишь на работе! – выпаливает он в ответ. – А когда не на работе, то постоянно готовишь свои булочки и плюшки! – чуть ли не кричит он мне в лицо, как будто печь плюшки в его представлении – всё равно, что заниматься сексом с двумя бравыми матросиками.

– Так это и есть жизнь! – не выдерживаю я. – Разве ты сам не этого хотел?! Жизнь – это делать детей, растить детей, кормить их свежими булочками и кашей! – продолжаю я.

– Ты меня не понимаешь, – успокаивается мой Лёша. – Ты можешь печь плюшки столько, сколько захочешь. Ты можешь сама превратиться в свои двадцать пять лет в одну большую плюшку, – зло бросает он мне. – Я больше так не могу. И не хочу.

И хотя меня сейчас ударили по самому больному, я, собрав всю свою волю в кулак продолжаю:

– Если тесто прокисло, его выбрасывают. Нет смысла спасать тухлое блюдо. Я тебя не держу. Ты можешь идти, куда пожелаешь. Любовь всегда только первого сорта. И последнего, – я собираю со стола тарелки, и безжалостно выбрасываю остатки ризотто в помойное ведро.

– Только не передёргивай, – кривится Лёша. – Достали уже все эти твои словечки. Ты вообще, кроме еды о чём-то другом можешь думать? Все эти персики, дыньки, эклеры и бриоши, – продолжает он с издёвкой. – Ты со стороны себя слышала?! И да, я хотел сказать, что это ты должна уйти. Из моей квартиры, – медленно и с нажимом произносит он, – и посуда с грохотом валится из моих рук в раковину.

– Это и моя квартира, разве ты забыл? – иду я ва-банк. – В конце концов, это именно я погасила львиную часть ипотеки деньгами, вырученными от продажи своего наследства.

– Это так, – тихо отвечает Лёша, и я оборачиваюсь к нему, опираясь спиной о столешницу: я помню, как часто мы занимались сексом именно на этом столе, неспособные оторваться друг от друга хотя бы ненадолго.

– Но ипотеку я оформил на себя до свадьбы, – всё-таки он изучил вопрос! – И пока она полностью не выплачена, квартира принадлежит мне и банку.

– Я плачу большую часть взносов, – и во мне начинает закипать бешенство. – Пока ты будешь со мной разводиться, я заработаю и отдам все оставшиеся деньги!

– Вряд ли, – спокойно отвечает мой муж, отпивая вино. Оказывается, я много лет жила с обычным подлецом и мерзавцем! Мне даже становится от этого немного легче: теперь я не так сильно люблю его. Как будто это знание отломило кусочек от моего огромного чувства.

– Посмотрим! – наступаю я на него. В конце концов, на этой неделе будет моё повышение на работе, и я смогу попросить аванс в счёт будущей зарплаты. А я ещё сдуру думала, что именно его хотел отпраздновать сегодня вечером мой муж, когда предупреждал меня о романтическом вечере для нас двоих!

– Ладно, не будем ходить вокруг да около, – вдруг устало говорит Лёша. – Мы с Тamarой любим друг друга, – и обрывает меня, когда я уже готова разразиться гневной тирадой по этому поводу: – Она ждёт ребёнка.

Я молча сажусь на стул и смотрю в окно на крыши домов подо мной. Свечи капают тихими слезами прямо на стол, а я чувствую, как моё сердце обугливается, как картофельная кожура в догорающем костре...

Десерт для грусти: обожжённый баскский чизкейк из Сан-Себастьяна

Когда-то шеф Сантьяго Ривера из города Сан-Себастьян получил в наследство бар La Vina и изобрёл свой ставший знаменитым на весь мир десерт. Он хотел приготовить «запечённое молоко», и вот, что у него вышло. Вся его тайна в сыре и соли.

Для нежной кремовой души нам потребуется 500 грамм любого сливочного сыра, и если вам повезет найти козий, как мне в тот день, то лучше всего взять его. Или просто добавить щепотку соли. Или горьких слёз. Медленно взбить миксером сыр, добавляя туда по очереди 4 яйца, 160 грамм сахара, 250 грамм самых жирных сливок для взбивания и столовую ложку крахмала. Влить чайную ложку ванильной эссенции. Выстелить форму пекарской бумагой, вылить в неё тесто и нагреть духовку до максимально возможного значения: до 250-270 °C в режиме конвекции.

Выпекать 20 минут, пока он полностью не обуглится, как моё сердце, когда умирала моя любовь. Его сливочная сердцевина ещё совсем жидкая, но дайте ему время остыть в холодильнике несколько часов. Это блюдо подают холодным. Как месь на десерт. И если вы снимете с него почерневшую тонкую корочку, то обнаружите внутри мягкое сливочное нутро: нежное и тающее во рту, как сон. Идеален с любым сладким вином. С хересом или портвейном.

Горячий глинтвейн с вишневыми листьями, чтобы согреть ледяную душу

В тот день я в последний раз спала в своей квартире. Лёша ушёл из дома, и дал мне сутки на сборы: я бы в любом случае не могла оставаться в ней вместе со своей уже бывшей подругой, своим уже бывшим Лёшей и их ребёнком. Той ночью я складывала вещи по сумкам и чемоданам: вот так легко и просто вся моя прежняя жизнь уместилась всего в три баула.

В три часа ночи я пришла на кухню, оглядывая всю свою утварь, которую я собирала по разным магазинчикам и лавкам много лет: вот моя чугунная тяжёлая сковородка, которая мне осталась от бабушки, и только на такой, по мнению французов, надо жарить настоящий омлет. Вот мой старинный латунный сотейник, который я нашла на блошином рынке, и только в нём у меня получается настоящий соус «Голландез». Вот моя ручная мельница для специй, которая и сейчас запечатала внутри себя, как в маленькой смелой башне, ароматы кардамона и мускатного ореха. И только сейчас после Лёшиного признания у меня наконец-то потекли слёзы: сладко-солёные, на вкус как анис, когда их сглатываешь. Я не могу оставить здесь все эти дорогие для меня вещи! И я, как полоумная, начала срывать с крючков и полок все свои ковши, крошечные кастрюльки и тёрочки, чтобы сложить их в картонную коробку.

Из отражения в ночном окне на меня смотрела растрёпанная ведьма с растёкшейся тушью под глазами и ярко-алой помадой на губах. И это отражение зло усмехнулось мне. И это отражение взяло пузатую стеклянную миску, которую я обожала, и со всей силы шарахнуло её об кафельный пол. Затем, секунду помедлив, это отражение схватило премиленький голландский чайник, и он полетел в стену, разлетевшись на миллиарды звёзд. И это отражение со всей силы хватило фарфоровым молочником о край деревянного стола, и он жалобно взорвался, оставив в руках только золотую витую ручку. Я с ужасом наблюдала, как моё обезумевшее отражение бесновалось в уютной красивой кухне, сея в ней хаос и разрушение.

На часах на плите загорелась цифра «04:00», когда я наконец-то очнулась, почувствовав острую боль: я посмотрела вниз, под ноги, и увидела, как вокруг моих голых ступней растекается гранатовым соком вязкая алая лужица, а подняв руки к лицу удивилась, что они все кроваво-красные от порезов. Из отражения на меня смотрела испуганная девчонка, а вокруг неё было выжженное поле битвы при Аустерлице. Пробираясь по полу между острыми иглами осколков, как раненый фрегат между сгоревшими остатками королевского флота, я прошлёпала в спальню, оставляя на полу кровавые следы. Прямо в одежде свалилась на постель, и провалилась в странное ночное забытие: между сном и жизнью.

«Ну ты и сука!» – прочитала я на следующий день сообщение от Томи сквозь паутинку трещин на телефоне. Усмехнулась. Поразилась злой иронии. И отбросила его в сторону, бережно распаковывая свои оставшиеся живыми после смертельного сражения вещицы. Завтра у меня очень важный день.

Я сижу в кабинете директора по маркетингу нашего холдинга. Я всегда гордилась, что именно Елена Николаевна была моим руководителем все эти годы: лощёная умная стерва, сделавшая головокружительную карьеру, подмяв и вытоптав не один десяток мужчин-конкурентов вокруг себя. И воцарившаяся на троне одного из крупнейших ритейлеров на российском рынке. Вот она сидит в своём стильном кабинете, с картинами современных художников на стенах и разноцветной немецкой мебелью. Эталон современной женщины: полностью собственной ручкой слепленная и сотворённая. Филигранно сделанный у лучших хирургов нос, аппетитные губы и идеально сидящий на ней деловой костюм от модного дизайнера Гоши Куваева.

Именно благодаря её поддержке и всегда справедливой оценке, я уверенно и верно росла: сначала от стажёра до простого менеджера, потом от пиар-менеджера до ведущего специалиста, а потом и до руководителя группы. И вот, когда в компании освободилось место начальника пиар-отдела, никто не сомневался, что я займу эту должность. Это ведь я пахала все эти годы за четверых, как проклятая сочиняя статьи и тексты, разыскивая нужную информацию и договариваясь с лучшими журналистами, чтобы они написали про наши чудесные магазины и бренды. И моя великолепная но справедливая руководительница смогла оценить моё рвение и таланты по достоинству, и её женское плечо и поддержку я чувствовала за своей спиной все эти годы. Я уверена, что мне ей даже не надо объяснить, какого бесценного сотрудника обретёт наша компания в моём лице на этом очень аппетитном и желанном для многих посту.

– Простите, пробки, – с непринуждённой улыбкой входит в кабинет мой Лёша. Как всегда идеальный. Красивый. И чертовски обаятельный.

– Понимаю, – сочувственно кивает ему наша руководительница. – Присаживайтесь.

Мы с моим мужем, как и треть всех супружеских пар в нашей стране, познакомились на работе. И все эти годы работали вместе, правда, я всегда полагала, что моего дорогого мужа не ценили так, как он того заслуживал, и он плёлся всегда где-то далеко в хвосте позади меня. А после того, как мы поженились, Елена Николаевна особенно пристально рассматривала его работу под лупой, полагая, что муж и жена не должны работать вместе. Учитывая, как много я работала, пропадая до ночи в нашем офисе, в то время как Алексей предпочитал ездить в командировки, ходить на презентации и оплаченные компанией ужины с журналистами, мы практически не пересекались. Не думаю, что здесь есть повод для беспокойства со стороны моей начальницы. Не знаю, что Лёша сейчас здесь делает, но я уверена, что он недолго проработает в нашем холдинге после моего повышения, – со злорадством решаю я про себя.

– Ну что же, я рада, что вы наконец-то оба приняли это решение, – с мягкой улыбкой наконец-то произносит наш босс, отпивая минеральную воду из тонкой колбы бокала. Стильной и безупречной, как всё в этой комнате.

Я с недоумением смотрю на Елену Николаевну, перевожу взгляд на улыбающегося Лёшу, а та продолжает:

– Согласна, что Алексей заметно вырос за всё это время, и было бы глупо с моей стороны не дать вам возможность проявить себя в качестве нового пиар-директора.

Я не верю своим ушам. И только начинаю бубнить что-то невнятное в ответ. Чего, как я знаю на двести процентов, просто не терпит моя идеальная и совершенная во всём начальница. Она просто обрывает меня своим безапелляционным тоном:

– Решение принято на совете директоров. И я лично считаю, – и тут она искривляет свои идеальные губы в многозначительной улыбке, – что вам, это, однозначно, пойдёт на пользу. – Она серьёзно смотрит прямо мне в глаза и продолжает: – Я рада, Яна, что вы нашли новую работу, и что получили предложение от другого работодателя, – и я только сглатываю в ответ. – В любом случае, семейной паре не место в одном офисе, вы знаете моё личное мнение на этот счёт. Желаю вам всего самого лучшего в новой компании, – брезгливо заканчивает она наш разговор, даже не дав мне ни малейшего шанса что-от сказать в свою защиту.

Мы все знаем негласное нерушимое правило нашего холдинга: никто из сотрудников не смеет искать новую работу. Потому что у нас уже есть самая идеальная работа. Совершивший этот грех просто вычеркивается из жизни одним росчерком. Без обсуждений. Так что меня только что вычеркнули. На вялых ватных ногах я выхожу из кабинета, и мне становится так плохо, что я чувствую, что меня сейчас вырвет от отвращения. Я бегу по коридору, сбивая по пути пару коллег, и, добежав до уборной, извергаю из себя все остатки вчерашнего романтического ужина и горечь разочарования и обиды.

Полощу рот и умываюсь ледяной водой, рассматривая себя в зеркало: ни грамма безупречности. Захожу в наш общий кабинет, и ловлю на себе странные взгляды коллег. Или у меня паранойя? А может быть, я их не замечала раньше, и они всегда относились ко мне с подозрением? К чёрту всё! Сгребаю все свои вещи в два пакета, и гордо направляюсь к выходу. В одном моя начальница была точно права: нельзя работать вместе со своим мужем. Особенно если он спит с твоей лучшей подругой.

Вся следующая неделя проходит в бесконечных беседах, поисках квартиры и консультациях с юристами. Я подсчитала, что выплаченных мне на работе денег хватит примерно на три месяца, учитывая, что мне, конечно же, не удалось скопить никакой суммы на чёрный день, потому что все свои честно заработанные я, как порядочная жена, относилась мужу на ипотеку. Но я настроена очень решительно: в конце концов, я отдала свою плоть и душу за эту золотую московскую недвижимость, и не собираюсь просто так с ней расставаться. Тем более, я не останусь без работы: на свой мягкий кусочек бриоши я всегда заработаю.

Я с грустью вспоминаю, что мне пришлось продать мой с бабушкой дом, в котором я прожила с ней всё своё детство. Зельда Гофман совсем немного не дожила до моей свадьбы, и я не могла себе представить, как буду приезжать раз в год в Суздаль в свой бесповоротно дряхлеющий и умирающий без жильцов мир. Я сижу в кафе в ожидании юриста, когда мне принесут мой глинтвейн. За окном эта вечная непроглядная столичная серость, от которой хочется зарыться с головой в одеяло, и аромат пьяной вишни, струящийся от моего стакана, успокаивает и подбадривает меня. Я делаю крошечный глоток: какой сбалансированный и изысканный напиток. Не сладкий, чуть терпкий, со звёздной душой аниса и пряными нотами гвоздики. И что-то ещё, что я не могу точно определить. Мой язык растирает крошечные капельки по нёбу, я прикрываю глаза, пытаюсь отыскать в картотеке своих ароматов этот знакомый с детства вкус и запах, как тут слышу над собой голос:

– Я вижу, нащупала что-то великолепное? – и я открываю глаза. Передо мной стоит бодрый и румяный Юра – специалист по семейному и гражданскому праву.

– Да, просто изумительный глинтвейн, – киваю я ему. – Рекомендую.

– Мне то же самое, что и ей, пожалуйста! – просит Юра подошедшую официантку. – Уверен, что сейчас попробую лучший глинтвейн в своей жизни, – довольно улыбается он. – Если сам мэтр оценил, то оно того точно стоит!

– Это не смешно! – отмахиваюсь я от его комплиментов. – Что там у нас по делу? Мне надо где-то жить, так что давай с тобой всё сделаем как можно скорее!

Тут Юра откидывается на спинку стула, и начинает громко хохотать, пока официантка ставит перед ним стеклянный высокий бокал с тёплой виноградной кровью. И ещё чем-то, – опять зависаю я на каком-то смутном детском воспоминании.

– Яна, скажи, ты живёшь в какой стране?

– К чему всё это? – начинаю я нервничать. – Я живу в стране с самым лучшим семейным кодексом, разве не так? – и делаю ещё один крошечный глоток бордово-сливового вина.

– Да к тому, что судебные процессы тянутся годами, – объясняет мне Юра, – для начала вы должны развестись, если ты, конечно же, не хочешь затянуть этот процесс. Но сразу предупреждаю: надолго не получится, – засасывает он через трубочку своё вино и с удивлением смотрит не меня: – Действительно, это лучший глинтвейн, что я пробовал!

– Да какое там затягивать: тут всё понятно, специально не давать ему развод, чтобы ещё больше трепать себе нервы? Зачем мне всё это?

– Отлично, с этим разобрались, – чуть ли не урчит от удовольствия Юра. – Тогда остались имущественные споры. Надеюсь, ты сохраняла все расписки, чеки и переводы, когда отдавала все свои деньги супругу для погашения ипотеки, – мягко и в упор смотрит он на меня как строгий учитель, спрашивающий домашнее задание у второклассницы.

Но я, кажется, не выучила сегодняшний урок, вдруг понимаю я. И это осознание взрывается маленькой ментоловой бомбочкой у меня в мозгу где-то чуть выше переносицы.

– Какие расписки? – лепечу я непослушным языком.

Юра опять внимательно разглядывает меня, как какой-то любопытный музейный экспонат, и уже медленно и с расстановкой, как не очень одарённой школьнице, объясняет:

– Ну вот ты пишешь, что отдала энное количество денег в счёт погашения большей части кредита.

– Отдала, – полушепчу я.

– Отлично, – снова приступает к своему вину Юра, словно мы уже выиграли судебный процесс. – У тебя остались какие-то документы, подтверждающие, что ты их передавала своему супругу?

– Нет, – стеклянным голосом отвечаю я.

– Ну, это не страшно, мы сможем подтвердить, что во время брака ты продала своё собственное имущество, чтобы погасить кредит, – мягко успокаивает он меня, смакуя каждую каплю. – У тебя наверняка остался договор купли-продажи с прописанной в нём суммой, так? – допивает он своё вино, неприлично громко высасывая остатки через бумажную трубочку.

– Там прописана другая цена, – смотрю я куда-то себе под ноги. И мне безумно стыдно, словно это я сейчас лишила румяного Юра его собственной квартиры.

Мой приятель с недоумением смотрит на меня, и я понимаю, что в его глазах я совершенно потерянный человек. Просто пыль, а не клиент.

– Наследству было меньше трёх лет, и мы договорились с покупателем, что пропишем меньшую сумму в договоре, чтобы мне платить меньшую сумму налога, – сознаюсь я в страшном преступлении против всего человечества, совершенном около трёх лет назад. Сейчас сюда ворвётся спецназ и уведёт меня в наручниках. Туда, где место таким беспросветным наивным дурам.

Юра задумчиво смотрит в огромное окно, словно жалея, что вообще связался со мной, а потом поворачивается ко мне своим круглым и румяным, как оладушек, лицом, и подбадривает меня:

– Ничего страшного, мы всё равно сможем взыскать с твоего мужа какую-то сумму. Которую сможем подтвердить и доказать. Рано или поздно! Не переживай, ты попала в руки к отличному специалисту!

– Хорошо, когда? – осторожно, чтобы не спугнуть его уверенность, спрашиваю я.

– Года три, не больше! – с победоносным видом заявляет Юра, словно речь идёт об одном или двух месяцах. – Так что всё у тебя будет просто отлично!

– Листья вишни, – вдруг вспоминаю я.

– Что? – переспрашивает меня Юра, подзывая официанта.

– Скажите, вы добавляете в глинтвейн листья вишни? – переспрашиваю я подошедшую к нам девушку.

– Как вы догадались? – удивлённо восклицает она. – Это секрет нашего шеф-повара: он добавляет в напитки чай из вишнёвых листьев!

А я вспоминаю свои зелёные от травяного сока руки, когда мы вдвоём с бабушкой поздней весной перетирали листья между пальцев, скручивая их в жгутики, навсегда запечатывая в капсулы их пьяную вишнёвую душу...

– Вот, просто роскошный вариант, – приглашает меня в квартиру риелтор.

Я переступаю через порог, и словно проваливаюсь в иную эпоху: интересно, здесь вообще кто-нибудь жил в последние тридцать лет?

– В нашем случае и с нашими возможностями выбирать не приходится, – пытается оправдываться Света, но это место не нуждается в рекламе. Оно пахнет травами: душицей, зверобоем, как в прохладных летних сеньях. А старый деревянный пол скрипит под ногами, как в детстве скрипели доски в бабушкином доме. Толстый слой пыли покрывает древнюю мебель: где-то подточенную молью, где-то протёртую поколениями людей, живших за сто лет до этого, а хрустальные абажуры мерцают тусклым стеклом сквозь сетку паутины.

– Хозяева за границей, квартиру всё никак не поделят наследники, одним словом, такая прекрасная недвижимость и застряла в чистилище, – объясняет мне риелтор, с явным филологическим образованием. – Никакого ремонта, бабушкин вариант, сами понимаете, – заключает она, давая понять, что это, собственно, единственно доступное мне съёмное жильё. Для безработной разведённой девушки. Никаких модных лофтов и бизнес-высоток с дизайнерским ремонтом.

– Я беру, – поворачиваюсь я к ней. И чувствую, что я снова дома.

Переезд, снова очередные собеседования: мне совсем некогда думать о Лёше, хотя иногда я вспоминаю запах его леденцово-анисовой кожи, въевшийся в мою душу, и когда я мельком вижу на улицах мужчин, привлекательных, но даже и близко не таких красивых, как мой бывший муж, мне хочется зарыться в сухую листву и плакать, плакать, плакать до бесконечности, пока я не смогу выплакать всю эту боль из себя до последней капли. Я не знаю, когда эта раздражающая меня на кровавые кусочки грусть наконец-то уйдёт, но я наконец-то привожу в порядок старую квартиру, где теперь всё блестит начищенным навоощенным паркетом, пахнет полиролью и смородиновыми листьями. Здесь ещё осталась старая газовая плита, а на кухне вместо современных удобных гарнитуров стоит настоящий деревянный буфет, словно попавший сюда из исторического музея. Я даже нашла в нём настоящее чешское стекло: рубиновые узорчатые рюмки, тарелки и супницу с голубыми гусями и сервиз с фруктовыми узорами. Я отмываю посуду в тёплой мыльной воде, и яркий рисунок проявляется на ней, как негатив: наверное, давным-давно, гордый отец семейства принёс эти тарелки, доставшиеся ему по распределению на работе, в свой дом. Или, ещё лучше: этот сервиз хранился и передавался из поколения в поколение от дореволюционной прапрабабушки.

В ожидании звонка с новой работы, я варю свой глинтвейн, постоянно экспериментируя с ингредиентами, словно это магическое действие способно вывести меня из моего сомнамбулистического тревожного сна наяву. Я воображаю, что изобретаю рецепт магического эликсира, который сможет вернуть меня в прошлое, до того, как я познакомилась с Томой, а сама стала превращаться в расплывающуюся офисную тётку в дешёвых заезженных брючках и белых дежурных блузках, вечно проверяющую всю работу за своими подчинёнными, как надоедливая и строгая училка. И мне кажется, что если я проскочу в прошлом этот момент, то всё сразу же встанет по своим местам: Лёша снова будет целовать меня каждое утро в углубление у ключицы, пока я ещё путаюсь в тенётах сна. Я снова буду чувствовать сквозь сон его горячие ладони, уже нетерпеливо ласкающие моё тело, настойчиво пробираясь в низ живота, где ещё дремлет моё не успевшее пробудиться желание. Я снова буду слышать его тихий шёпот: «Я тебе обожаю, масик», когда его голодный ствол будет входить в меня, пригвождая к кровати снова и снова медленными сладкими ударами...

И тут я снова вспоминаю, как он точно так же называл и мою подругу! И меня снова выворачивает от тоски и отвращения. И вообще, что-то меня в последнее время часто тошнит... Ужасная догадка пронзает меня: трясущимися руками я жму на кнопки календаря, сверяя даты. Чуть ли не в одной футболке бегу в ближайшую аптеку. Схожу с ума, пока вижу, как на крошечном белом квадратице проявляется вторая полоска. Пью свой чёртов глинтвейн и повторяю тест ещё раз. И ещё. Снова. Это какая-то ошибка, этого просто не может сейчас быть! Именно сейчас. И именно со мной.

– Поздравляю, – равнодушным профессиональным тоном говорит мне врач на УЗИ, и я не верю даже врачу.

– Скажите, а прибор не может ошибаться? – задаю я ей самый тупой вопрос, который, возможно, ей уже задавали на этой кушетке десятки других женщин и девушек.

Врач с сочувствие смотрит на меня и утвердительно кивает головой, показывая на монитор, как будто я смогу на нём что-то разглядеть:

– Примерно пятая неделя, вот, – а я вижу только черно-серые волны. – Сердце уже бьётся. – Матка в тонусе, это не очень хорошо, – видимо, это что-то означает, но мой мозг сейчас практически ничего не способен воспринимать.

Весь опыт предыдущих жизней ничто по сравнению с твоим собственным. Я иду к метро под липким февральским снегом, и не чувствую ничего, кроме ледяного страха. И одиночества. Я с горечью перебираю все эти глянцево-картинки из интернета: вот счастливая парочка радостно обнимается, демонстрируя зрителям за монитором две полоски. Вот нежный заботливый красавчик осторожно гладит едва округлившийся животик своей сексуальной подружки, с триумфом глядя в камеру. А вот другой, не менее сексуальный парень, стоя на коленях, целует надувшееся пузико накрашенной красотки. А вот женщина в метро напротив читает какую-то книжку с милыми пухлыми малышами на обложке «Двойня для босса». Где радость от беременности? Желание бороться с миром и сворачивать горы? Только опустошение и ощущение пропасти, в которую я сейчас медленно, но неумолимо сползаю...

Глинтвейн для грусти с вишнёвыми листьями

На 1 литр сухого красного вина или хорошего вишнёвого сока необходимо взять кожуру одного апельсина и один целый, 4 звёздочки бадьяна и 4 бутона гвоздики, 2 коробочки кардамона, по одной палочке корицы и 4 горошины душистого перца. Первый мой секрет: апельсин надо очистить от кожуры, которую положить в кастрюлю вместе со вторым нарезанным кружочками целым апельсином. Второй мой секрет: все специи залить вином или соком и дать настояться под крышкой некоторое время перед тем, как медленно нагревать, но не кипятить! И, убрав с огня, добавить столовую ложку мёда и дать время напитку настояться, забирая из специй всю их ароматную душу. Третий секрет от шефа: добавить несколько листьев чая из вишнёвых листьев, чтобы вспомнить май и детство.

Смотреть в зимнее окно и пить горячее вино: прошлое точно не вернётся, но настоящее станет хоть и совсем немного, но теплее и лучше.

Старомо

дный апельсиновый пирог для исполнения желаний с карамельной корочкой

Всё последние дни я пытаюсь привыкнуть к тому, что теперь у меня будет ребёнок. От мужа, который мне изменил. Вышвырнул на улицу. И теперь готов до последнего судиться со мной за каждую копейку из нашей квартиры. И ещё я пытаюсь привыкнуть к ужасной мысли, что я не хочу этого ребёнка. Я его не люблю. И от этого я чувствую себя последней дрянью. Он как чужеродное тело, поселившееся во мне без спроса, пожирает меня изнутри. А как же все окружающие меня счастливицы? Они умиротворённо шлёпают по зимней слякоти в своих уютных меховых утках; неповоротливыми уточками карабкаются в авто, которые заботливо открывают им их такие же умильные и озабоченные мужья; мечтательно поглаживают свои смешные животики, наблюдая за пляшущей вьюгой в окне кафе. И я невольно задумываюсь: сколько же среди них таких, как я? Одиноких, покинутых, неприкаянных, испытывающих вечную тошноту и усталость? По нам пока ничего не скажешь, и поэтому мы качаемся в переполненном метро и автобусах, хотя отдали бы всё, что угодно, чтобы просто присесть на пару

минут. Нас не встречают и не ждут дома заботливые мужья с пресловутыми солёными огурчиками с клубникой. Мы сами носим тяжёлые сумки и взбираемся на пятый этаж с высоченными пролётами, задыхаясь на каждой ступеньке. Потому что теперь дышим за двоих. За себя, и за кого-то совсем незнакомого и чужого, живущего внутри нас.

Но зато у меня появилась тайная сила: теперь я ещё лучше, чем раньше, ощущаю вкусы и ароматы. Я чувствую, что ел на завтрак мужчина, стоящий рядом на эскалаторе в метро, я слышу, как в элитном продуктовом магазине тщательно скрывают запахи тухлятины за безупречной белизной хлорки. Я морщусь нос, когда понимаю, что почти все окружающие мужчины моются исключительно гелем для душа АХЕ: его едкая химическая формула практически растворяет все натуральные запахи кожи, но и сама на вкус отвратительна. Я с удивлением понимаю, как мало вокруг меня естественных натуральных молекул, чистых и безупречных. И от этого меня мутит ещё больше. Мой разум пытается найти какие-то зацепки, якоря, которые помогут мне остаться на плаву. Не унесться по волнам навстречу буре и отчаянию. Я равнодушно пролистываю ленту соцсетей: как интересно, оказывается, сейчас всюду идёт Новый год. Только китайский. Счастливая и ухоженная девушка с добрым и открытым лицом, которому хочется верить, вещает с экрана:

– Сегодня для вас я приготовила очень популярную практику, которая поможет сохранить в вашем доме любовь, счастье и достаток: «Сто восемь апельсинов». Китайцы верят, что если в период празднования Нового года принести домой сто восемь апельсинов и рассыпать их по всем комнатам, то весь следующий год в доме будут царить богатство и радость!

Я пытаюсь представить, как я волоку на пятый этаж своего старинного дома без лифта в центре Москвы двадцать килограмм апельсинов, пытаюсь выжить и не умереть уже где-нибудь на втором пролёте, как счастливая блогерка успокаивает меня:

– Вам же совсем не обязательно покупать именно это количество: вполне достаточно любого числа, кратного девяти: двадцать семь, восемнадцать, тридцать шесть...

Девять апельсинов, пожалуй, даже я смогу осилить, – решаю я. К тому же – прекрасный повод наконец-то выбраться на улицу и перестать себя жалеть. Возможно, прямо по пути встречу шикарного принца, который моему бывшему мужу даже и в подмётки не годится, и который просто обожает немножко беременных безработных девушек.

В тот вечер принц мне так и не встретился.

Но на следующий день у меня назначена встреча с Лёшей. Остаться гордой и развестись с ним, обрекая своего будущего ребёнка на голод, холод и прозябание? Или сидеть за столом, нервно теребя бумажный пакетик сахара, прекрасно осознавая, что со стороны выгляжу как всклокоченная курица, несмотря на тонны макияжа и надетое по случаю новое платье? Впрочем, такое же унылое и безликое, как и отвратительный круассан с дешёвым маргарином, воняющим машинным маслом, который мне только что принёс официант.

Вот входит он, и я невольно отмечаю, как посетительницы осыпают его золотыми монетами оценивающих взглядов, выставляя самые высокие оценки по своей личной шкале. Я и сама до сих пор дала бы ему десять из десяти. Как и в тот первый день, когда он появился в нашем офисе. И выбрал именно меня среди целой толпы таких же офисных мелких рыбёшек.

– Какая интересная фамилия, – с улыбкой произнёс он. – Как сказка.

– Да, мои предки были из приезжих немцев. Ещё дореволюционных, – скромно пояснила я. И тоже улыбнулась ему в ответ. Яркой, блестящей улыбкой в алой помаде. С ямочкам на щеках. Как у Лени Рифеншталь в юности.

И тогда он меня оценил по достоинству: тонкую, подающую большие надежды умницу. Ведь это я писала самые лучшие статьи, находила самые лучшие сравнения и эпитеты, а из любого самого унылого материала могла слепить увлекательное повествование. Поэтому руководство заваливало меня самой скучной и трудоёмкой работой, уверенное, что я даже из самых набивших оскомину и банальных ингредиентов сумею сотворить вкусное и изысканное в своей

лаконичности блюдо. И я готовила, творила, писала, а в жаркие короткие перерывы мы убегали с Лёшей в близлежащие кафе, гостиницы на один час или скверы, чтобы хотя бы на несколько минут прижаться друг к другу разгорячёнными телами, вечно поджаривающимися на огне нашей бешеной страсти. Его длинные пальцы внутри меня, вечно липкие и сладкие от сока любви, мои ладони на его горячем вечно стоящем члене, вечно голодном и тоскующем по мне. Я вставала с земли, оправляя юбку и отряхивая с колен прилипшие травинки, целуя его рот своими алыми слегка припухшими после его члена губами, и зажимала бёдрами его жадные пальцы, пульсировавшие внутри меня.

– **Что за такой важный повод?** – почти зло спрашивает меня мой муж, присаживаясь на край стула напротив.

– Я жду ребёнка, – сразу и без обиняков говорю я ему самую заезженную всеми женщинами мира фразу, только сейчас понимая, как жалко и банально это звучит.

В ответ Лёша лишь с издёвкой поднимает одну бровь, и это я себя чувствую сейчас дешёвой шантажисткой!

– Яна, это не поможет, – начинает собираться он, останавливая рукой подошедшего официанта. – Я думал, ты как-то умнее и оригинальнее.

– Но это правда! – с отчаянием в голосе оправдываюсь я, прекрасно понимая, как убого выгляжу со стороны.

– О Боже, – закатывает Лёша глаза. – У тебя и справка есть?

– Есть, – тихо разлепляю я губы. – Из женской консультации.

– Отлично, – поднимается он, чтобы уходить, – не знал, что ты ещё и такая сука. Которая трахалась с кем-то за моей спиной. Ну вот мы и квиты, – кривит он губы в кривой усмешке.

И тут ко мне приходит осознание, что я ему ничего не докажу. Что-то грубое и тяжёлое словно бьёт меня прямо в диафрагму, отчего я на какое-то время перестаю дышать, и ужасное головокружение, тошнота и резкая боль внизу живота выключают в моей голове свет. Я сижу, наблюдая, как весь мир вокруг меня расплывается в алом мареве, пока внутри меня текут реки обжигающей лавы. Вот они вырываются наружу, и я чувствую необыкновенное тепло, разливающееся по телу.

– Девушка, с вами всё в порядке? – подбегает ко мне официант, а Лёша, уже накинувший пальто, бросает ему на ходу, направляясь к выходу:

– Неудавшаяся актриса. Да всё с ней нормально, – и его стройная спина на мгновение загораживает квадратик света, вырвавшийся из двери, когда он выходит на улицу.

– У вас точно всё хорошо? – подходит ко мне парень, и, судя по его встревоженному виду, выгляжу я так себе.

– Да, всё нормально, спасибо, – пытаюсь улыбнуться я в ответ. – Принесите счёт, пожалуйста.

Я тянусь к сумке за кошельком, и понимаю, что у меня не хватает сил даже не это. Моя сумочка весом в сто миллиардов тон выскальзывает у меня из рук на пол, и я наклоняюсь, чтобы поднять её. Как странно: кажется, кто-то пролил целую чашку сока рядом с моим стулом: он разливается подо мной маленьким озерцом, пока я медленно не соображаю, что капает откуда-то сверху. Я даже слышу, как у меня в голове проворачиваются крошечные шестерёнки, обложенные тугим поролоном, когда я пытаюсь понять, что я могла такого пролить. Всё моё тело словно погружено в тёплый клюквенный кисель, который хлюпает подо мной. Я отлепляю ноги от стула, и понимаю, что всё пропиталось какой-то жидкостью, пока вдруг до меня не доходит, что это и есть я. Что это моя кровь, а не компот, сочится сейчас, с тихим всхлипом капая на пол. Мне становится ужасно стыдно: какая неловкая ситуация, я сижу здесь, посреди

кафе, испачкав алой кровью всё кресло и пол, и думаю только об одном, как я теперь смогу встать и незаметно выйти хотя бы в уборную, не привлекая внимания.

Ко мне возвращается официант со счётом, и, пододвинув ко мне терминал, набирает сумму чека. И тут его взгляд случайно падает на пол, потом он внимательно смотрит на меня, и я слышу, словно сквозь густое ватное одеяло:

– Вызовите скорую, кто-нибудь, скорее!

За окном всё кружит снег, я сижу на больничной койке и смотрю на эту застилающую весь свет белую простыню, прямо как мать Белоснежки в сказке. Только у меня уже не будет ребёнка: я опустела, как холодный дом. Мне так странно, что кто-то незнакомый, кого я даже не успела толком узнать и полюбить, вдруг покинул меня, но почему же мне тогда так невыносимо грустно? Я ведь даже его не хотела! И чувство вины разрастается во мне, как плесень на забытом кусочке спелого персика, как будто это я сама убила своего ребёнка.

– Да не переживай так, – подбадривает меня соседка по палате: отекая девушка Даша, которая лежит здесь уже второй месяц на сохранении, практически не шевелясь. – Вот, посмотри на меня: три выкидыша до этого, а теперь лежу, жду! – поглаживает она свой огромный живот, – и я лишь улыбаюсь ей в ответ через силу.

– Яна Гофман! – заходит в палату молодой высокий врач, с которым в прежней жизни я была бы не прочь столкнуться где-нибудь в ресторане, а сейчас он у меня вызывает только страх: как бы ещё чего страшного не сказал мне о моём здоровье.

– Доктор, когда меня выпишут? – сразу же спрашиваю я его, потому что мне невыносимо оставаться в этой белой палате с резиновыми матрасами и отвратительным запахом столовской гречки и борща.

– Скоро, скоро: лишнего держать не будем, но семь дней мы должны вас наблюдать как минимум, – успокаивает он меня. – А что вы хотели: всё-таки отслоение плаценты, большая потеря крови, экстренное выскабливание, это вам не шутки, – бодро перечисляет он, как будто речь идёт о каком-то обычном деле. Для него обычном, – отмечаю я про себя.

– Бельгийский шоколад с апельсиновой цедрой и коньяк. Французский, – отмечаю я про себя, не замечая, что произношу это вслух.

– Не понял? – удивлённо переспрашивает меня доктор.

– Простите, я сказала это вслух? – извиняюсь я. – Просто от вас пахнет шоколадом и коньяком.

Соседка удивлённо смотрит на меня: доктор стоит на расстоянии трёх метров от нас, и больничная еда на наших прикроватных столиках способна перебить даже запах жжёной резины.

– Пациентка подарила, – от смущения розовеет доктор. – С коллегами в обед попробовали по десять капель.

Вот так: я осталась одна, но мой неродившийся ребёнок словно оставил во мне маленькую частичку себя, и теперь я, как Жан Гренуй из «Парфюмера» различаю тысячи разных оттенков запахов, ароматов и вони, постепенно привыкая жить с этой тайной способностью. Доктор делает какие-то пометки у меня в карте, и я слышу, как от его рук до меня доносится слабый запах хозяйственного мыла, вербены и лимонной цедры...

Я открываю дверь своей квартиры, и мне страшно от того, что я могу там увидеть. Мне кажется, сюда возвращается только моя оболочка, а человек, которым я была всего неделю назад, растворился где-то в утробе этого ненасытного гигантского города, пожирающего своих детей. А может быть до сих пор бродит, неприкаянный, по гулким комнатам моей квартиры.

Входная дверь обо что-то задевает, и, переступая порог, я спотыкаюсь о свои апельсины, тусклой бронзой мерцающие в полумраке коридора. Я совсем забыла, как рассыпала их в пред-

двери Китайского Нового года, тогда ещё надеясь на любовь, счастье и здоровье. И своим сладким еловым ароматом, которым, кажется, пропитался весь воздух вокруг меня, они мне дарят надежду. Я чувствую, как её запах проникает в мои ноздри, лёгкие, пропитывая мои волосы, кожу и одежду, и я начинаю забывать про больницу с её хлоркой, железным запахом крови и разваренной в пыль пшёнкой с дешёвым прогорклым маслом.

Кожура апельсинов взрывается микроскопическими ароматными брызгами, когда я снимаю с неё цедру тончайшими жгутиками, а в моём латунной сотейнике растворяется последний кубик масла, наполняя кухню сливочным духом. По всей квартире разносится аромат карамели, когда пирог в духовке покрывается тончайшей запечённой сахарной корочкой, и я смотрю, как в моём старом московском двореке дети лепят снеговика, наверное, последнего в этом году, как раздаётся телефонный звонок.

– Янка, привет! – слышу я как всегда бодрый голос своего старого приятеля и одногруппника с журфака Мишки. – Говорят, ты со своим красавчиком разводишься? Мне он никогда не нравился. Молодец, что послала его подальше: все знают, что он со своей начальницей мутит. Не теряется парень, знает, как карьеру строить! А ты умница, что ушла оттуда, нечего им свой бесценный талант за копейки продавать! – не замолкая, весело щебечет он в трубку, как залётный попугайчик. – А у меня для тебя шикарное предложение. Открываем портал про всё, чем только можно заняться в городе: спектакли, кинотеатры, магазины, клубы и, конечно же, рестораны. Огромные планы, и у нас есть отличный инвестор. Нам срочно нужен редактор в раздел еды и общепита, я сразу про тебя подумал! Я же помню, как ты всегда про разные блюда рассказывала: пока послушаешь, на килограмм от твоих рассказов поправишься, – глупо хихикает он над своей собственной глупой шуткой, пока я уныло смотрю в окно.

– Стартап – это просто чудесно, Миша, спасибо, – вежливо отвечаю я. – Но стартап на то и стартап, что он может так и не выстрелить, правда? – рассуждаю я вслух. – Тем более, у нас уже есть, кажется, такие компании на рынке. «Афиша», например, – объясняю я ему. – Где гарантия, что именно ваш проект пойдёт дальше?

– Какая ты стала унылая, Яна, – ноет в трубку Миша. – Ты же Гофман! Забыла, как мы тебя на курсе звали? – напоминает он мне моё старое прозвище «сказочница». – Где твоя вера в чудо, в конце концов!

– Спасибо, Миша, я подумаю, – вежливо благодарю я своего друга, собираясь уже повесить трубку. – Я тебе перезвоню.

– Ладно, подумай! – цепляется за соломинку Миша. – Наш стартап отличается от всех остальных, – кричит он вдогонку, словно пытаясь перекричать мой скептицизм. – У нас есть завязки с Мишлен! Мишлен, мать его!

– Я рада за вас, – благодарю я его. – Я обязательно подумаю. Как хоть называется ваш проект?

– «Негусто»! Сайт так и будет называться: *negusto.ru*, – выпаливает Мишка.

– Просто отличное название, поздравляю, – иронизирую я. Я ведь не очень-то верю в сказки. И кто-то, к тому же, должен оплачивать мои съёмные квартиры и услуги лучшего в городе адвоката. Несколько лет.

Я отрезаю кусочек уже немного остывшего пирога, и шёлковое масляное тесто тает у меня прямо на языке. Накальываю второй кусочек вилок, и чувствую под языком тончайшую корочку хрупкой карамели, зарумянившую верхушку кекса. Готовлюсь уже отщипнуть третий кусочек, как приходит уведомление на почту. Отлично. Ответ от последнего места, куда я ходила на собеседование. Отложив в сторону тарелку, читаю ответ:

«Уважаемая Яна, рады вам сообщить, что мы остановились на вашей кандидатуре на должность пиар-директора компании Skolko. Ежемесячный оклад – 300 000 руб. до вычета налогов, бонусная система за выполнение установленного KPI ежеквартально, ежегодный оплачиваемый отпуск...»

Я не верю своим глазам: мне предлагают денег даже больше, чем на прежней работе, если бы я получила повышение! Теперь я точно могу ни о чём не беспокоиться. Стандартная работа, которую я знаю на отлично. Примерно тот же самый круг обязанностей, что у меня был последние пять лет. Те же темы, тот же материал. Работа, которую я могу выполнять практически с закрытыми глазами. Те же самые лица, те же журналисты и те же самые порталы и отраслевые журналы. Я выдыхаю. Заношу вилку над так и не проглоченным апельсиново-карамельным кусочком, но, подумав пару секунд, собираю остатки всей еды и решительно выбрасываю в мусорное ведро. Хватит быть домашней клушей. Мы уже это проходили. Больше никаких лишних калорий на ночь.

Беру в руки планшет и начинаю писать ответ. Голая нога натывается на что-то прохладное: один из апельсинов закатился под стол. Мягко толкаю его кончиками пальцев, и он ударяется о старинный резной буфет, который отзывается тихим хрустальным перезвоном.

Десерт, который дарит солнце зимой и надежду: сочный апельсиновый пирог

Если у вас по дому катаются апельсины, то вы просто обязаны приготовить этот десерт для всей семьи. Или себя лично.

Для сочной спелой мякоти надо взять 210 грамм сливочного масла и растопить его в сотейнике на едва тлеющей конфорке. Три яйца взбить с 225 граммами белого сахара и влить в смесь пюре из мякоти двух апельсинов, с которых предварительно сняли цедру и очистили от кожуры.

Вмешать в тесто 150 граммов муки с половинкой чайной ложки соли, 2 чайными ложками разрыхлителя и вылить в него растопленное сливочное масло. Добавить 60 миллиграмм любимого сладкого ликёра, если нет апельсинового. Высыпать цедру, перемешать.

Вылить смесь в смазанную маслом форму и выпекать в духовке 50 минут при 180 °С. Пирог должен уверенно подрумяниться, а масло с сахаром украсят его тоненькой карамельной корочкой. Особенно вкусно его есть, когда за окнами снег, и кажется, что до лета ещё далеко. Но это не так. Весна уже в дороге.

Солёные марокканские лимоны для вкуса к жизни

Я сижу за самым лучшим столиком в ресторане, и краем глаза слежу, как вдоль стенки выстроились несколько официантов, готовых в любую секунду поменять приборы, унести грязную тарелку или убрать салфетку, которой я едва успела промокнуть краешек губ. Я отрезаю крошечный, почти микроскопический кусочек от блюда, и отправляю его в рот. Перекаत्याю на языке, слегка прикрыв глаза, чтобы не отвлекаться на свет, стараясь хорошенько прочувствовать текстуру продукта, ощутить её каждым сосочком, прокатываю по нёбу, растирая его почти до молекул, и только потом медленно проглатываю, тщательно анализируя и запечатлевая в голове всю гамму нот и послевкусие.

Меня немного раздражают все эти напряжённые взгляды, и обычно я стараюсь не привлекать к своей персоне излишнего внимания, но за последний год это стало практически невозможным: мне кажется, что в Москве, Питере и всех остальных близлежащих городах не осталось ни одного ресторатора, шеф-повара или мало-мальски хорошего официанта, который бы не знал меня в лицо.

Я отодвигаю тарелку в сторону, отпивая холодной простой воды из тонкого бокала, и понимаю, что стекло недостаточно хрупкое, а толстые литые стенки утяжеляют все ощущения, лишая их необходимой лёгкости. В ресторане каждая мелочь имеет огромное значение, особенно в таком дорогом: тонкая ножка фужера, за которую так удобно держаться, обняв её двумя пальцами, способна украсить вкус любого, даже посредственного вина. Ручка вилки, идеально ложащаяся в ладонь, меняет аромат блюда и даже его текстуру, а размер и форма тарелки могут испортить любой деликатес. Даже недостаточно привлекательный официант, неправильно подавший блюдо, перечеркивает своей халтурой все старания именитого шеф-повара на кухне. Все знают, как строго я ко всему отношусь, но они даже не подозревают, что от меня не ускользает ни малейшая деталь: замеченная краем глаза чёрная каёмка грязи под ногтями у кого-либо из персонала сразу же низводит мой личный рейтинг заведения до уровня вокзальной чебуречной, но об этом никто не догадается. Это просто меняет всё моё отношение к ресторану, и каким бы дорогим мрамором не был бы отделан зал, из каких бы ценных пород деревьев не были изготовлены столешницы, и какой бы эксклюзивной не была посуда, моё впечатление от вкуса будет навсегда испорчено одним единственным нестриженным ногтем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.